

Н. П. Гринцер
РАНХиГС / ИМЛИ РАН, Москва, Россия, grintser@mail.ru

КОРАБЛЬ-ГОСУДАРСТВО: ИСТОКИ ОБРАЗА¹

В статье предложен обзор наиболее ранних употреблений образа «корабля-государства» в древнегреческой словесности (от архаической поэзии до политической философии и риторики IV в. до н. э.). Автор предлагает видеть истоки возникновения этой аллегии в мифологических представлениях о «золотом веке», когда человечество не знало как государственных институтов, так и мореплавания. Соответственно, в наиболее ранних литературных примерах использования этого образа доминируют отрицательные коннотации: «корабль-государство» практически всегда попадает в бурю и рискует пойти ко дну. Лишь в V в. до н. э. у Пиндара возникает и положительный образ властителя как мудрого кормчего, управляющего государственным кораблем. Отчасти эти позитивные коннотации можно обнаружить и в трагедии (где этот образ особенно популярен), но в ней они возникают скорее «от противного»: в качестве правильного «корабля» воспринимаются Афины в противовес выводимым на сцене несовершенным городам, вроде Фив. Высказывается предположение, что именно трагедия стала источником этой аллегии для политической риторики (которая в V в. до н. э. ею практически не пользуется), однако и в дальнейшем (вплоть до современности) образ «корабля-государства», в соответствии с его мифологическими истоками, продолжает подразумевать скорее идею кризиса и его преодоления, чем просто мирного плавания.

Ключевые слова: мифология, «золотой век», архаическая лирика, политическая риторика, афинская драма, аллегория, «корабль-государство».

N. P. Grintser
RANEPA /Institute of World Literature, RAS. grintser@mail.ru

The “ship of state” image — the origins of the allegory

The article contains a thorough survey of the earliest examples of the “ship of state” image being used by ancient writers from the archaic poetry up to political philosophy and rhetoric. The author perceives the origins of the allegory in the mythological pattern of the Golden Age when humankind had existed happily without political institutions or traveling

¹ Работа выполнена в рамках НИР по государственному заданию РАНХиГС.

overseas. Hence, the early literary usage of the allegory is imbued with negative connotations: the ship of state almost always sails in troubled waters and is on the verge of sinking. Only in the 5th century BC, by Pindar, we come across the positive image of a ruler governing the city like an experienced helmsman. Same positive connotations may be perceived in Attic tragedy, although there they emerge somewhat *a contrario*: the audience could see Athens as the right image of the “ship of state” as opposed to the imperfect cities brought up on stage (Thebes being the most vivid example). It is argued that it was through tragedy that this allegory found its way into political rhetoric (in which we can hardly find an instance of its usage in the 5th century). However, further on and up to modern times, the “ship of state” image remains true to its mythological origins, and constantly implies the idea of crisis and its potential overcoming, rather than that of peaceful seafaring.

Keywords: mythology, Golden Age, archaic Greek lyric, Attic drama, political rhetoric, allegory, ship of state.

Образ «корабля-государства» — пожалуй, наиболее расхожий пример политической аллегории в литературных (и не только) текстах. Уже Квинтилиан в «Воспитании оратора» VIII 6.44, со ссылкой на знаменитую оду Горация I 14, приводит именно его в качестве образца аллегории: «Аллегория, что объясняется как “перестановка (инверсия)”, — показывает словами одно, а по смыслу другое, или даже иногда противоположное. Более выразительным получается этот род тропа чаще всего с помощью непрерывающихся переносов, как:

О корабль, отнесут в море опять тебя
Волны. Что ты? Постой! Якорь брось в гавани!

В известном месте у Горация корабль везде означает республику, волны и буря — гражданские войны, гавань — мир и согласие» (*allegoria, quam inversionem interpretantur, aut aliud verbis aliud sensu ostendit aut etiam interim contrarium. prius fit genus plerumque continuatis translationibus, ut “O navis, referent id mare te novi fluctus; o quid agis? fortiter occupa portum”, totusque ille Horatii locus, quo navem pro re publica, fluctus et tempestates pro bellis civilibus, portum pro pace atque concordia dicit, пер. М. С. Касьян*). Впоследствии этот пример стал расхожим в огромном количестве руководств по ораторскому искусству, включая, скажем, «Краткое руководство к красноречию» М. В. Ломоносова (правда, здесь в качестве образца берется уже не поэтический, а именно риторический текст — речь

Цицерона «Против Кальпурния Пизона»): «Аллегория есть перенесение предложений от собственного знаменования к другому стечением многих метафор, между собою сродных и некоторую взаимную принадлежность имеющих. Пример из Цицеронова слова против Калпурния Пизона:

Таков я боязлив не был, чтобы, управив в превеликих бурях и волнениях корабль общества и невредим в пристанище поставив, устрашился от малого туману твоего бесстыдия и от скверного дыхания твоего сообщника.

Из сего примера видеть можно, что от начала до конца аллегории полагаются речения, между собою сродные, как: бури, волнения, корабль, пристанище, туман, дыхание» (Lomonosov 2017: 103). Естественным образом этот образ стал общим местом и в актуальной политической риторике — от Цицерона вплоть до современных парламентариев и государственных лидеров, столь часто, например, призывающих своих оппонентов «не раскачивать лодку». Надо сразу сказать (и для наших дальнейших рассуждений это окажется важным), что, пожалуй, чаще всего эта аллегория возникает в риторике политического кризиса: быть может, одним из самых ярких примеров может служить телеграмма от 8 декабря 1941 г. президента США Ф. Д. Рузвельта премьер-министру Великобритании У. Черчиллю после голосования в Конгрессе о вступлении США во Вторую мировую войну: «Сегодня мы все в одной лодке с Вами и народами Империи, и этот корабль не может пойти ко дну и не затонет» (Kimball 1984: 283)². Значимость

² Надо сказать, что Рузвельт вообще часто прибегал к данному образу, в том числе реализуя и положительный потенциал метафоры. Так, например, в одной из своих речей 1935 г. он уподоблял постройке корабля процесс законотворчества: «Задача создания программы национального благосостояния в некотором смысле подобна постройке корабля... Когда он еще строится, когда к днищу только подведен стальной каркас, тому, кто не сведущ в кораблестроении, трудно понять, как он будет выглядеть, когда наконец выйдет в открытое море». Таких примеров в его речах немало: например, «мой якорь — демократия, и еще раз демократия», и биографы видят в этом в том числе и следы его личного опыта (работа помощником министра флота). Но в действительности, этот образ — один из самых ходовых в американской политической риторике (см. Thompson 2001: 167–174), в частности, как один из знаков преемственности по отношению

этого символического образа (который он возводил прежде всего к платоновскому «Государству») для современной политической теории демократии и соответствующей риторики убедительно продемонстрировал Ф. Анкерсмит³ — и его ярким воплощением может служить, например, следующая иллюстрация из американской *Chicago Herald Examiner* (тоже, кстати, времен президентства Рузвельта) со знаменитыми стихами Г. У. Лонгфелло (рис. 1):

Пльви, корабль! Счастливым путь!
Пльви, «Союз», великим будь!
С тобой отныне человек
Свою судьбу связал навек,
С тобою легче дышит грудь (пер. Е. Полонского)⁴.

Лонгфелло в своем стихотворении наверняка ориентировался на уже упомянутую выше оду Горация; источником ее образности, в свою очередь, традиционно считают два фрагмента Алкея (6 и 208a Voigt), и именно эолийского лирика принято называть «изобретателем» политической аллегии «корабль-государство».

В своей статье я хотел бы еще раз вернуться к наиболее ранним примерам образа корабля (прежде всего, корабля в бурном море) в древнегреческой литературе и задаться вопросом: когда в принципе и почему могла возникнуть эта аллегория? Вопрос этот можно дополнить: в какой момент и почему этот образ окончательно «политизировался» и положил начало бесконечной череде его использования в публичной риторике от античности до наших дней?

к античной, прежде всего афинской демократии. Не менее популярен он и в Великобритании, в том числе в самых актуальных политических дебатах касательно Брексита (см. Charteris-Black 2019: 145–148).

³ Ankersmit 2014: 301–331. В этом смысле характерно, что эту метафору (опять же с коннотациями внешней угрозы) использовал еще лидер Великой французской революции: «Конституционный корабль выстроен не для того, чтобы всегда оставаться в верфи; но разве следовало спустить его в море в разгар бури и на произвол встречных ветров?» (Robespierre 1965: 92).

⁴ Опять-таки показательно, что именно эту цитату Рузвельт использовал в личном письме Черчиллю в 1941 г., а тот, в свою очередь, привел ее в своей речи памяти Рузвельта в британском парламенте.

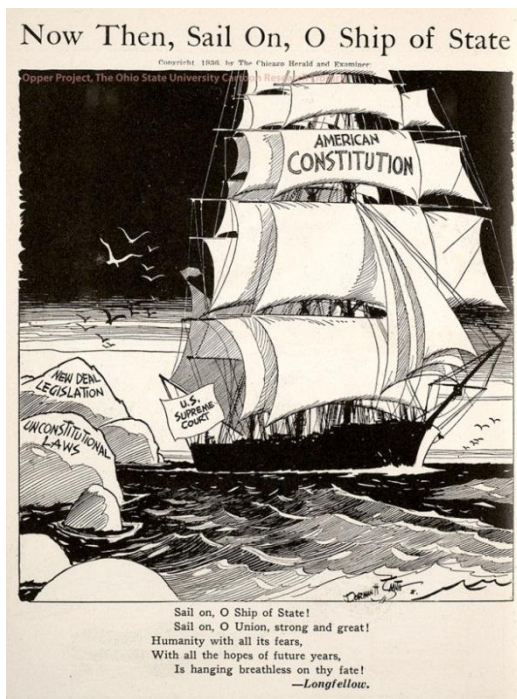

Рис. 1. Иллюстрация из газеты Chicago Herald Examiner.

Однако прежде чем перейти к разбору функционирования возможной аллегории собственно в литературных текстах, я хотел бы начать с предполагаемых мифологических истоков соответствующей образности. Тема корабля в открытом (бурном) море, на мой взгляд, тесно связана с одним из ключевых мифологических сюжетов, присутствующих в самых разных традициях. Это миф о «золотом веке», изначальном периоде благоденствия человечества (которое, впрочем, человечеством в полном смысле еще не стало — достаточно вспомнить, что в гесиодовских «Трудах и днях» люди в этом веке живут «как боги», ὥστε θεοὶ δ' ἔζων ἀκηδέα θυμὸν ἔχοντες, Ор. 112). Примеров описания «золотого века» в одной только античной традиции немало; в качестве одного из наиболее полных сошлемся на «Метаморфозы» Овидия I 89–96:

Aurea prima sata est aetas, quae vindice nullo,
sponte sua, sine lege fidem rectumque colebat.
Poena metusque aberant, nec verba minantia fixo
aere legebantur, nec supplex turba timebat

iudicis ora sui, sed erant sine vindice tuti.
 Nondum caesa suis, peregrinum ut viseret orbem,
 montibus in liquidas pinus descenderat undas,
 nullaque mortales praeter sua litora norant.

«Первым был золотой век, когда без всякого принуждения, по собственной воле люди следовали верному и правильному, не руководствуясь никаким законом. Страха наказания не было, и не были выбиты на меди угрожающие слова, а умоляющая толпа не страшилась лика своего судьбы, но все были в безопасности без всякого надзора. Еще не спускалась на текучие воды со своих гор срубленная там сосна, чтобы узреть чужестранный мир, и смертные не знали иных берегов, кроме собственных».

В данном пассаже присутствуют два мотива, постоянных для описания «золотого века»: отсутствие государства (т. е. законов, суда и прочих соответствующих институтов) и отсутствие путешествий/плавания по морю, и соответственно, неумение строить корабли («срубленные сосны»). Дальше у того же Овидия этот набор расширяется за счет иных традиционных мотивов: отсутствие земледелия (земля сама дает людям свои плоды), войн и убийств, — но именно эти два кажутся важными и взаимосвязанными в свете наших дальнейших рассуждений. В идеальной картине изначального человеческого бытия нет ни государства (определяемого прежде всего законами как способом принуждения к правильному поведению), ни мореплавания. Таким образом, корабль и государство оказываются связанными мифологемой «золотого века», и при этом связь эта оказывается негативно окрашенной: обе части будущей метафоры или аллегии знаменуют собой деградацию, ухудшение исходного идеала.

Отрицательные коннотации морского путешествия возникают во многих трактовках темы «золотого века» как в греческой, так и в латинской литературе. Враждебность моря человеку утверждается уже в «Одиссее» VIII 138–139:

οὐ γὰρ ἐγὼ γέ τί φημι κακώτερον ἄλλο θαλάσσης
 ἄνδρα γε συγχεῖναι, εἰ καὶ μάλα καρτερὸς εἶη.

«Я не знаю ничего хуже моря для того, чтобы сломать человека, как бы силен он ни был». Причем характерно, что вложены эти слова в уста одного из феакийцев, чей остров наделен в поэме многими чертами идеального царства «золотого века».

Так же в контексте «золотого века» излишним и ненужным для человечества предстает плавание по морю и в «Трудах и днях» Гесиода (236), и в «Феноменах» Арата (110). В дальнейшем этот мотив постоянно присутствует в самых различных сочинениях, от философских трактатов до драмы. В этом отношении показателен, например, пример Сенеки, который в своих «Естественных вопросах» V 18. 4 рассматривает мореплавание в принципе как проявление пороков человеческой природы: *Diversis enim irritamentis ad temptandum mare impellimur, utique alicui vitio navigator* «Даже если мы по разным причинам решаемся соревноваться с морем, то какой бы каждая причина ни была, мы отправляемся в море, следуя некоему пороку», а в «Медее» 362 называет главную героиню «злом худшим, чем само море» (*maiusque mare Medea malum*). Главными пороками, ассоциируемыми с морем, была жажда войны и наживы, проявлявшаяся как в заморских военных походах, так и просто в торговле (см., например, Тибулл 1.3, 37, Проперций 3.7, 37). Своеобразным «синтезом» этих двух мотивов становилась и мифологическая история об аргонавтах, чье судно, Арго, воспринимался в легендарной перспективе как «первый корабль», а цель похода, золотое руно, — как символ этого «морского стяжательства». Именно поэтому эта тема пронизывает уже упомянутую выше «Медее» Сенеки; ну а самым, наверное, знаменитым воплощением идеи пагубности мореплавания стала ода Горация 1.3, посвященная отплытию Вергилия в Афины:

*illi robur et aes triplex
circa pectus erat, qui fragilem truci
conmisit pelago ratem
primus...
nequiquam deus abscidit
prudens oceano dissociabili
terras, si tamen inopiae
non tangenda rates transiliunt vada.
audax omnia perpeti
gens humana ruit per vetitum nefas,*

«Знать, из дуба иль меди грудь
Тот имел, кто дерзнул первым свой хрупкий челн
Вверить грозным волнам:
Пользы нет, что премудрый бог
Свет на части рассек, их разобшил водой,

Раз безбожных людей ладьи
Смеют все ж проплывать вод заповедных ширь.
Дерзко рвется изведать все
Род людской и грешит, став на запретный путь»
(I 3, 9–26, пер. Н.С. Гинцбурга).

Итак, в мифологической перспективе море ассоциируется со стихией, «противной природе человека» (Плутарх. Застольные беседы 729b), а потому идеальный мир «золотого века» не знал мореплавания, как не знал законов и государства. Именно, отталкиваясь от этой исходной мифологической картины, стоит теперь обратиться к литературному обыгрыванию метафоры корабля-государства.

Как уже было сказано вначале, традиционно изобретение этого аллегорического образа приписывается Алкею. Впрочем, в опубликованной несколько лет назад статье в «Вестнике древней истории» С. А. Степанцов высказал вполне аргументированные сомнения в необходимости видеть в его известном фрагменте Алкея (6 V.) этот аллегорический смысл⁵. В данной работе мы хотели бы отчасти развить и его аргументацию применительно к данному фрагменту — в том числе и за счет сравнения его с иными пассажами в ранней лирике (в которых тоже усматривали возможность аналогичной аллегорической трактовки) — но, главное, задаться вопросом: когда в принципе могла возникнуть эта аллегория?

Сосредоточившись исключительно на лексике и фразеологии самого отрывка Алкея, Степанцов стремится показать, что «изнутри» он может быть вполне адекватно понят и истолкован без поисков какого бы то ни было скрытого смысла⁶ — впрочем, допуская, что «аллегория корабля была понятна в узком кругу первых слушателей Алкея сама собою, была элемен-

⁵ Stepantsov 2015.

⁶ Ср. развернутую критику аллегорического подхода применительно к интерпретации всех «морских фрагментов» Алкея в недавней работе Uhlig 2018. Адресуя эту критику прежде всего классическим работам В. Реслера (Rösler 1980: 115–158) и Б. Джентили (Gentili 1988: 197–215), А. Улиг стремится показать, что «возрождение» аллегорической трактовки Алкея (о которой весьма скептически высказывался еще Виламовиц, Wilamowitz-Moellendorff 1914: 234) во многом стало следствием «перформативного поворота» в интерпретации античной лирики, столь характерного для антиковедения конца прошлого — начала нынешнего века.

том общепонятного в этом кругу поэтического языка»⁷, т. е. сравнение корабля с государством могло входить в метафорический арсенал архаической греческой лирики. В свое время Д. Пейдж усматривал прообраз алкеевой метафоры в нескольких гомеровских пассажах, уподоблявших бурному морю движение вражеского войска (Page 1955: 181) — например, в 15-й песни «Илиады» 381–384:

Словно как вал огромный широкоразливного моря
 Выше боков корабля подымается, двинутый страшной
 Силою бури, которая волны на волны вздымает, —
 Так устремились трояне с неистовым воплем за стену

И далее в ст. 624–629:

Мощная, бурей из туч возвращенная; весь потрясенный,
 Пеной корабль покрывается; шумное бури дыхание
 В парус гремит, и трепещут сердца корабельщиков бледных
 Страхом объятых; они из-под смерти едва уплывают, —
 Так сердца трепетали в груди благородных данаев

(пер. Н. Гнедича).

Однако здесь вряд ли можно говорить о значительном параллелизме: как таковой идеи государства здесь нет, скорее можно говорить о реализации все той же мифологической идеи «враждебности» моря человеку, его связанности, в том числе, и с войной.

Поэтому, параллели к алкеевому фрагменту (и рассматриваемому в паре с ним другому стихотворению, где также присутствует образ корабля в бурном море — 208a V.) искали и обнаруживали в других произведениях архаической лирики — правда, опять-таки оказывается, что возможность аллегорической интерпретации всякий раз оказывается трудно доказуемой. Одним из наиболее ранних примеров использования этого образа считали фрагмент Архилоха 105 West:

Γλαῦχ', ὄρα· βαθὺς γὰρ ἤδη κύμασιν ταρασσεται
 πόντος, ἀμφὶ δ' ἄκρα Γυρέων ὀρθὸν ἴσταται νέφος,
 σῆμα χειμῶνος, κηχάνει δ' ἐξ ἀελπίτης φόβος.

Главк, ты видишь: глубь морская всколыхнулась от волны
 И нависли грозно тучи над Гирейскою скалой.

То — знак бури! Страх на сердце: мы застигнуты врасплох

(пер. Г. Церетели).

⁷ Stepantsov 2015: 101.

Правда, нахождение здесь иносказания целиком опирается на свидетельство автора «Гомеровских вопросов» Гераклита, который приводит этот отрывок в качестве примера аллегории: «Архилох, застигнутый фракийскими опасностями, сравнивает войну с морскими волнами» (Гом. вопросы 5.2). Надо сказать, что точно так же дело обстоит и с Алкеем: именно Гераклит является главным источником обнаружения в нем аллегорического смысла, вот таким образом комментируя фрагмент 208a Voigt:

ἀσυννέτημι τῶν ἀνέμων στάσις,
τὸ μὲν γὰρ ἔνθεν κύμα κυλίνδεται,
τὸ δ' ἔνθεν, ἅμμες δ' ὄν τὸ μέσσον
ναῖ φορήμεθα σὺν μελαίνοι
χείμωνι μόχθεντες μεγάλοι μάλα⁸.

Среди значительных [поэтов] иносказания мы найдем и у лирика из Митилены; смута, связанная с захватом власти тиранном, также уподобляется бурному состоянию моря... Кто бы не подумал тотчас, что данная картина моря [говорит] о страхе мореплавателей перед стихией? Однако это не так. Ведь она указывает на Мирсила и устроенный им для захвата власти бунт против митиленских граждан.

(Гом. вопросы 5.8, пер. Е. Марантиди).

По поводу соответствия такой интерпретации тексту Алкея отошлю к уже упомянутой статье С. Степанцова⁹; замечу, что практически все высказанные там сомнения релевантны и по

⁸ Вот перевод данного фрагмента Вс. Ивановым:

Пойми, кто может, буйную дурь ветров!

Валы катятся — этот отсюда, тот

Оттуда... В их мятежной свалке

Носимся мы с кораблем смоленным.

Не могу себе отказать в том, чтобы процитировать и неудачный пример, когда стремление С. И. Радцига переводить в рифму приводит к комическому эффекту:

Я не пойму ветров смятенье

Тут волны мечутся кругом,

А посреди всего волненья

Мы с черным носимся судном

⁹ А также к другой его статье Stepantsov 2014–2015, где в центре внимания — как раз логика представления «аллегорических» фрагментов в «Гомеровских вопросах» Гераклита. Ср. также его работу о политической метафоре у Алкея (Stepantsov 2017)

отношению к фрагменту Архилоха. Куда более очевиден ино-сказательный смысл в стихах, сохранившихся в корпусе Феогнида, хоть и скорее всего ему не принадлежащих¹⁰:

Феогнид 671–682 (Эвен Паросский fr. 8 West):

οὐνεκα νῦν φερόμεσθα καθ' ἰστία λευκὰ βαλόντες
 Μηλίου ἐκ πόντου νύκτα διὰ δνοφερήν·
 ἀντλεῖν δ' οὐκ ἐθέλουσιν· ὑπερβάλλει δὲ θάλασσα
 ἀμφοτέρων τοίχων. ἦ μάλα τις χαλεπῶς
 σώζεται. οἱ δ' ἔρδουσι· κυβερνήτην μὲν ἔπαυσαν
 ἐσθλόν, ὅτις φυλακὴν εἶχεν ἐπισταμένως·
 χρήματα δ' ἀρπάζουσι βίηι, κόσμος δ' ἀπόλωλεν,
 δασμὸς δ' οὐκέτ' ἴσος γίνεται ἐς τὸ μέσον·
 φορτηγοὶ δ' ἄρχουσι, κακοὶ δ' ἀγαθῶν καθύπερθεν.
 δευμαίνω, μή πως ναῦν κατὰ κῦμα πίηι.
 ταῦτά μοι ἠνίχθω κεκρυμμένα τοῖς ἀγαθοῖσιν·
 γινώσκοι δ' ἄν τις καὶ κακόν, ἄν σοφὸς ᾖ.

Паруса белые спущены, и вот нас уносит с Мелийского моря сквозь непроглядную ночь; вычерпывать не желают, накидывается море чрез оба борта. Вряд ли кто и спасется, а те налегают, уж честно отставили кормчего, что умело стоял на страже. Деньги грабят силой, пропал порядок, и дележ стал неравный, грузчики правят, дурные выше добрых, волна, боюсь, поглотит корабль. Это у меня загадано притчей для добрых — кто мудр, тот и плохое предвидит.

(Феогнид 671–682, пер. А. К. Гаврилова).

Наличие в этом пассаже аллегории подчеркивает сам автор, называя свои слова «притчей» (а буквально «скрытно загаданным», ἠνίχθω κεκρυμμένα). В какой-то мере это можно считать косвенным аргументом против распространенности данной метафоры — если она была общепринятой, то указание на потаенный смысл было бы излишним. Показательно и то, что образ представляется куда более разработанным, чем в прежних примерах. Общее уподобление города-государства кораблю дополнено и детализировано: потерявший доверие граждан лидер сравнивается с кормчим, простые и неразумные жители называются «грузчиками» (φορτηγοί), а точнее простыми матросами. Эту

¹⁰ В качестве вероятного автора предлагался, например, Эвен Паросский, в частности, в связи с возможными аллюзиями на другого паросского поэта, Архилоха. См. Bowra 1934, West 1974: 40–64, а также Bowie 1997: 61; Selle 2008: 224–225.

«прорисовку» деталей мы увидим и в дальнейшем, и на фоне максимально общего характера образа у Алкея и Архилоха она может скорее говорить в пользу более поздней датировки фрагмента V–IV вв. до н. э. (Эвен Паросский, действительно может быть подходящим кандидатом на авторство¹¹).

В любом случае, если усматривать аллегория город = корабль во всех приведенных примерах, характерно, что все они используют этот образ в негативном ключе, описывая дурное состояние государства (будь то война или внутренний раздор) как злключения мореплавателей, угодивших в бурю. Как кажется, в этом можно усматривать преемственность с исходной трактовкой моря и морского путешествия в мифологических представлениях, о которых говорилось вначале. Ассоциация с морем и кораблем именно плохого, неправильного человеческого общества естественно вытекает из идеи морских странствий как греха, отступления от идеальной картины «золотого века».

Правда, иногда мы встречаемся и с использованием данного литературного образа с положительными коннотациями. В качестве примера можно сослаться на оракул, согласно Плутарху (Солон 14.4), данный в Дельфах Солону:

ἦσο μέσῃν κατὰ νῆα κυβερνητήριον ἔργον
εὐθύνων: πολλοί τοι Ἀθηναίων ἐπίκουροι.

«Смело средину заняв корабля, управляй им спокойно.

Верных помощников в том ты найдешь среди многих афинян» (пер. С. И. Соболевского).

Здесь опять-таки мы обнаруживаем детализацию, сходную с фрагментом из Феогидова корпуса: руководитель государства = кормчий, граждане = простые корабельщики¹². И вновь

¹¹ В пользу атрибуции этих стихов Эвену говорит и прослеживаемая рядом исследователей связь данного фрагмента с описанием «государства-корабля» в «Государстве» Платона 488a и далее (о котором речь пойдет ниже). Эвен, современник Сократа, несколько раз упоминается в сочинениях Платона (Апология 20a-b, Федр 267a, Федон 61b), и потому вполне мог служить истоком образности данного пассажа. Подробнее о параллелизме данных текстов см. в Hunter 2014: 68–72 и Correa 2016.

¹² Впрочем, и здесь можно уловить и некий отрицательный подтекст. Согласно Плутарху, оракул был призван побудить Солона установить

следует заметить, что источник здесь гораздо более поздний, а учитывая причудливую историю сложения корпуса оракульных стихов в античности, можно предположить, что это полулегендарная история (и соответственно, текст стихотворного прорицания) могли использовать соответствующий образ, сложившийся в позднейшее время. В случае Плутарха это тем более вероятно, что как увидим в дальнейшем, эта политическая метафора активно использовалась Платоном — одним из главных авторитетов для автора «Жизнеописаний».

Наконец, в рамках лирической традиции мы сталкиваемся с использованием данного образа — причем с преимущественно положительными коннотациями — в поэзии Пиндара. Здесь в первую очередь показательна 1-я Пифийская ода, где морская тема постоянно связывается с прославляемым в оде Гиероном (в частности, в связи с его морской победой при Кумах) и постепенно ведет к его представлению как умелого кормчего, способного правильно вести свой корабль-государство¹³:

νόμα δικάϊω πηδαλίω στρατόν...
ἐξίει δ' ὥσπερ κυβερνάτας ἀνήρ
ἰστίον ἀνεμόεν

Кормилом справедливости правь народ...
Как кормчий муж, разверни под ветром твой парус

(Пиф. 1, 86–92, пер. М. Л. Гаспарова).

Схожий образ присутствует и в 4-й Пифийской:

ῥάδιον μὲν γὰρ πόλιν σεῖσαι καὶ ἀφαιυροτέροις·
ἀλλ' ἐπὶ χώρας αὐτίς ἔσσαι δυσπάλεις
δὴ γίνεται, ἐξαπίνας
εἰ μὴ θεὸς ἀγεμόνεσσι κυβερνατῆρ γένηται.

Легко сотрясти город и слабым людям, а вот снова вернуть его на твердую землю сложно, если только бог не станет кормчим для вождей (Пиф. 4, 272–274).

Метафора предводителя города (которым может быть и божество, ср. Пиф. 5, 122) как кормчего становится одной из

в Афинах собственную тиранию — систему правления, противоречащую его собственным принципам и потому им в итоге отвергнутую.

¹³ О значимости образа в структуре данной оды и его политических коннотациях см. Morgan 2015: 341–342.

популярных у Пиндара¹⁴, и хотя здесь чаще всего речь не о реальной, а о некоей потенциальной ситуации, это придает образу скорее положительные коннотации. Характерно, что этот смысловой сдвиг возникает внутри лирической метафоры достаточно поздно, в пятом веке, и, как видно из прочих приведенных выше примеров, отнюдь не является доминирующим. В этой связи, как кажется, трудно в принципе говорить о том, что «аллегория корабля ... была элементом общепонятного ... поэтического языка» не только в кругу Алкея, но и в рамках лирической традиции как таковой.

С разительно иной ситуацией мы сталкиваемся, обратившись к текстам афинской драмы, и прежде всего трагедии. Практически у каждого из трех великих трагиков этот образ встречается практически постоянно, подчас становясь одним из внутренних лексических и композиционных лейтмотивов пьесы. Так, у Эсхила им открываются «Семеро против Фив» 1–3:

Κάδμου πολῖται, χρῆ λέγειν τὰ καίρια
ὅστις φυλάσσει πρᾶγος ἐν πρύμνῃ πόλεως
оїака νομῶν, βλέφαρα μὴ κοιμῶν ὕπνῳ

«Сограждане Кадма, тот должен точно говорить, кто заботится о делах государства, правя рулем с кормы и не смыкая глаз»

И в дальнейшем он не раз вновь возникает в тексте трагедии¹⁵ (ср., например, 62–64, 208–210 и др.), становясь одним из ее ключевых лейтмотивов и главных тем, прежде всего применительно к образу Этеокла¹⁶.

¹⁴ Ср. также Пиф. 10, 72: ἐν δ' ἀγαθοῖσι κεῖται πατρώϊαι κεδναὶ πολίων κυβερνάσιες. «Ибо отчина лучших — кормчее правление городов» (пер. М. Л. Гаспарова — о наследственной династии фессалийский правителей)

¹⁵ О значимости морской метафоры в «Семерых» см. Dumortier 1975: 27–55; Petrounias 1976: 37–51

¹⁶ Thalmann 1978: 32; Lamari 2007: 14. В статье А. Ламари высказывается предположение о дополнительном «афинском подтексте» данной аллегории, поскольку в строках 208–210 она возникает сразу вслед за приказом Этеокла женщинам воздержаться от рыданий и паники. В нем автор статьи видит имплицитную отсылку к известному закону Солона о запрете на излишние проявления скорби и полагает, что и политический смысл морской метафоры может отсылать к Солону, в некоторых фрагментах (фр. 9 и 12 West) которого также пытаются отыскать образ корабля-государства (см. Noussia-Fantuzzi 2010: 319).

У Софокла та же метафора постоянно сопутствует главному герою в «Царе Эдипе». Так, в начале пьесы хор в своей мольбе, обращенной к царю, уподобляет состояние дел в городе кораблю, терзаемому бурей:

πόλις γάρ, ὥσπερ καὐτὸς εἰσορᾶς, ἄγαν
ἤδη σαλεύει κἀνακουφίσει κᾶρα
βυθῶν ἐτ' οὐχ οἷα τε φοινίῳ σάλου,

Ведь город, как ты видишь и сам, слишком
Уже качает, и он не может больше поднять голову
Из глубин кровавой качки.

(22–24, пер. Б. М. Никольского)¹⁷,

Именно это положение Эдип должен исправить как мудрый кормчий, прежде выправлявший «курс» подвластного ему города (ср. слова Креонта 103–104: σὲ τίηδ' ἄλευθύνειν πόλιν), но по мере развертывания действия все более нарастают опасения, что и сам властитель, на мудрость и защиту которого все надеялись, теряет способность разумно править своим судном:

ὡς νῦν ὀκνοῦμεν πάντες ἐκπεπληγμένον
κεῖνον βλέποντες ὡς κυβερνήτην νεῶς

Ибо тяжко нам всем видеть в смятении того,
Кто нам что рулевой для корабля (922–923).

Наконец в финале падение Эдипа характерным образом вновь осмысливается как кораблекрушение, гибель в морских волнах: «что за волна страшной напасти его накрыла» (εἰς ὅσον κλύδωνα δεινῆς συμφορᾶς ἐλήλυθεν, 1527).

Мне такая интерпретация кажется чрезвычайно натянутой и применительно к фрагментам Солона (в них нет образа корабля, а речь идет о буре и море, причем если во фр. 9 политическая аллегория очевидна, но она никак не связана с морем, то во фр. 12 эту аллегорю, если и видят, то лишь по аналогии), и к тексту трагедии Эсхила (в ней речь идет о страхе перед врагом, а в законе Солона запрещалось выражение избыточного и показного горя на похоронах).

¹⁷ В последнем комментарии к трагедии П. Финглас характерным образом просто отмечает метафору как «привычную», которую поэт, по его мнению, считает нужным дополнительно «расцветить» с помощью образа утопающего пловца (Finglass 2018: 175). Однако вполне очевидно, что морская метафорика играет важнейшую роль в композиционной структуре трагедии, см. об этом Campbell 1986, Dougherty 2014: 150–152.

Тот же образ корабля, борющегося с бурей, доминирует в одной из центральных речей «Антигоны», когда Креонт сперва описывает одержанную победу над врагами как избавление от ненастья:

ἄνδρες, τὰ μὲν δὴ πόλεος ἀσφαλῶς θεοὶ
πολλῷ σάλῳ σείσαντες ὤρθωσαν πάλιν

Граждане! Боги, потрясшие наш город страшной качкой, вновь твердо выправили курс (162–163),

а затем встраивает в тот же метафорический ряд и образ правильного государства, которое он обещает выстроить:

τοῦτο γινώσκων ὅτι
ἢδ' ἐστὶν ἡ σφύζουσα καὶ ταύτης ἔπι
πλέοντες ὀρθῆς τοὺς φίλους ποιοῦμεθα

Зная то, что родина — наша спасительница и только прямо плывя на ней, мы найдем друзей (188–190).

Последний пример тем более показателен, что на первый взгляд содержит положительную картину «корабля, идущего правильным курсом», напоминающую образы пиндаровских эпиникиев. Но понятно, что в контексте дальнейшего хода действия «Антигоны» эта картина оказывается ложной, а Креонт — далеко не соответствующим образу правильного и мудрого «кормчего». В этом смысле показательно, что та же тема возникает позже в речи Гемона, построенной как последовательное опровержение Креонта, при этом строго следующее его же аргументации, и логически, и образно¹⁸. Гемон предупреждает, что моряк, чрезмерно стремящийся выдержать «прямой курс», рискует потопить корабль:

αὐτῶς δὲ ναὸς ὅστις ἐγκρατῆ πόδα
τεῖνας ὑλείκει μηδὲν, ὑπτιοῖς κάτω
στρέψας τὸ λοιπὸν σέλμασιν ναυτίλλεται.

Тот, кто правит, слишком напрягая парус и никогда не ослабляя его, перевернется и далее плывет палубой вниз (715–717)¹⁹.

В принципе, в трагедии этот (как уже очевидно, весьма распространенный) аллегорический образ практически всегда подразумевает отрицательные коннотации, если не прямые (как

¹⁸ О соотношении аргументации Креонта и Гемона см., например, Barker 2008: 33–37.

¹⁹ См. Griffith 1999: 156, 159, 245. О морской образности в «Антигоне» см. подробно Goheen 1951: 44–52.

в случае Эдипа), то косвенные, или «от противоположного» (Этеокл в «Семерых» так же, как и Креонт в «Антигоне», не соответствует идеалу царя, стоящего у «кормила» государства, да и Фивы в конце обеих драм скорее соответствуют кораблю, угодившему в новую бурю). Поэтому не случайно, что этот образ нередко несет в себе скрытую или откровенную угрозу. Таковы, например, слова фиванского вестника, обращенные к Тезею в «Просительницах» Еврипида 473–475:

κᾶν μὲν πίθη μοι, κυμάτων ἄτερ πόλιν
σὴν ναυστολήσεις: εἰ δὲ μή, πολλὸς κλύδων
ἡμῖν τε καὶ σοὶ συμμάχοις τ' ἔσται δорός.

Если послушаешь меня, то будешь править своим городом, не боясь волн; а если нет, то буря битвы ждет нас и твоих союзников²⁰,

и уж совсем откровенно грозит своим подданным Эгисф (еще один отрицательный пример «тирана», пользующегося соответствующей метафорикой):

σὺ ταῦτα φωνεῖς νερτέρᾳ προσήμενος
κόπη, κρατούντων τῶν ἐπὶ ζυγῷ δорός

«У нижних весел сидя, мне грозить посмел?
Нет, судном правит тот, кто наверху сидит»

(Эсхил. Агамемнон 1617–1618, пер. С. Апта)²¹.

Действительно, вся морская образность в трагедии оказывается скорее окрашенной в негативные тона, и, как (в некотором замешательстве) отмечает Р. Брок в своей книге, посвященной политической образности в классической греческой литературе, «трудно объяснить отсутствие позитивных морских образов в

²⁰ Аналогичный образ мы находим и, например, в «Финикиянках» 859–860: ἐν γὰρ κλύδωνι κείμεθ', ὥσπερ οἴσθα σύ, δорός Δαναϊδῶν, καὶ μέγας Θήβαις ἄγων «Ты видишь, нас захлестывает волна данайского войска, и велик спор для Фив». В своем комментарии к соответствующим строкам Д. Мастронарде по каким-то причинам предполагает, что эта метафора «потеряла свою живость ко времени «Финикиянок» (Mastronarde 1994: 399), по сравнению с ее активным использованием у Эсхила, прежде всего в «Семерых». Поскольку никаких аргументов комментатор не приводит, по всей видимости, своими словами он лишний раз хочет подчеркнуть частотность, а значит «заезженность» метафоры. Ср. выше прим. 16.

²¹ Об использовании метафоры корабля-государства у Эсхила см. подробно в Nes 1963: 71–92.

драме»²². Не случайно, что практически все приведенные выше примеры уподобления государства кораблю, царя — кормчему, а граждан — простым гребцам внутри отдельных пьес характеризуют не Афины, а враждебные им (в реально-историческом контексте пятого века) греческие полисы — причем в большинстве случаев таким городом являются Фивы²³.

Таким образом, можно предположить, что именно в рамках афинской трагедии пятого века образ «корабля-государства» становится расхожим топосом и даже не просто частой метафорой или аллегорическим символом, но нередко и композиционным стержнем отдельной драмы. При этом он сохраняет свою преемственность по отношению к тем мифологическим истокам, о которых речь шла в начале статьи: плавание по морю по-прежнему преимущественно подразумевает опасность, угрозу, и потому наиболее частое непосредственное значение образа не «спокойное плавание», но «буря», подразумевающая гражданский раздор или военную опасность. Если он несет положительные коннотации, то они скорее потенциальны, отсылают или к прежнему прекрасному состоянию, или к желаемому (и трудно достижимому) будущему. Впрочем, этот положительный образ в рамках трагедии все же конструируется, пусть и от противоположного. Вполне возможно, что в политическом смысле он мог читаться как противопоставление несовершенных городов (и аллегорически воплощающих их «кораблей»), в которых происходит действие на сцене (Аргоса, Фив) и подразумеваемого идеального полиса — собственно Афин²⁴. В этом смысле морская метафора Афинам очень подходила: ведь хорошо известно, что мощь афинского полиса

²² Brock 2013: 60.

²³ Это можно рассматривать как еще один метафорический прием представления Фив в трагедии как «анти-Афин», следуя терминологии Ф. Цейтлин (Zeitlin 1990, ср. Hilton 2013).

²⁴ Так обстоит дело в «Семерых» и, как мы постарались показать (Grintser 2016: 31–33), в «Антигоне», где потенциальная благая развязка основного конфликта подразумевается в силу мифа об успешном вмешательстве Афин в дело о выдаче тел убитых аргосцев — истории, составлявшей часть афинского «политического мифа» (и которую Софокл характерным образом никак в трагедии не упоминает).

в пятом веке до н.э. прежде всего ассоциировалась с морем и флотом, как торговым, так и военным²⁵.

Казалось бы, если такая гипотеза верна, то положительный образ афинского корабля-государства следовало бы искать в реальной политической риторике того времени. От нее, конечно, мало что сохранилось — но все же показательно, что, скажем, в знаменитых речах Перикла, сохранных в «Истории» Фукидида мы не находим и следа подобной метафорики. Пожалуй, единственный пример, на который иногда ссылаются исследователи, эта фраза, вложенная Геродотом в уста афинского стратега Мильтиада перед сражением с персами: ἦν μὲν νῦν μὴ συμβάλωμεν, ἔλλομαι τινὰ στάσιν μεγάλην διασεῖσειν ἐμπεισοῦσαν τὰ Ἀθηναίων φρονήματα ὥστε μηδίσαι: ἦν δὲ συμβάλωμεν πρὶν τι καὶ σαθρὸν Ἀθηναίων μετεξετέροισι ἐγγενέσθαι ... «Если мы теперь же не решимся на битву, то я опасаюсь, что нахлынет великий раздор и так потрясет души афинян, что они подчинятся мидянам. Если же мы сразимся с врагом, прежде чем у кого-либо из афинян возникнет гнусный замысел ...» (История VI 109.5, пер. Г. А. Стратановского). Основанием для подобных ассоциаций служили отдельные лексические нюансы: в частности, в «нахлынувшем» и «потрясающем афинян раздоре» (στάσιν μεγάλην διασεῖσειν ἐμπεισοῦσαν) усматривали лексические параллели с изображением бури, а в σαθρὸν, буквально обозначающем «гнилость», видели аллюзию на подгнившие доски корабля и возникающую в связи с этим течь²⁶. Однако эти параллели кажутся слегка натянутыми, и потому автор последнего комментария к соответствующей книге «Истории» справедливо считает такую интерпретацию достаточно спорной²⁷. Соглашаясь с этим, можно только заметить, что даже если видеть здесь подобную аллюзию, коннотации

²⁵ Безусловным символом этого в афинской идеологии являлась история греко-персидских войн, начиная со знаменитой истории об оракуле, повелевшем афинянам скрыться за «деревянными стенами», что было истолковано Фемистоклом как необходимость покинуть город и искать убежище на кораблях (Геродот VII 141 и далее), и кончая морской победой при Саламине. См. Dougherty 2014: 137–144, Pelling 2000: 16, Taylor 2010: 142–143, Thompson 2001: 167–72.

²⁶ Такая интерпретация предлагалась, например, в комментарии к Геродоту How, Wells 1912 *ad loc.*

²⁷ Scott 2005:384.

морской метафоры вновь оказываются скорее отрицательными²⁸. Но скорее следует признать, вслед за Р. Броком: «При том, что образ корабля-государства широко распространен в трагедии, он поразительным образом не встречается в других жанрах пятого века»²⁹.

Зато в прозаических жанрах следующего, четвертого века морская метафорика становится постоянной, иногда до навязчивости. Более того, именно здесь общая картина окончательно «прорисовывается» в мелких деталях, уже нам знакомых отчасти по архаической лирике, но прежде всего по аттической драме: корабль-государство подразумевает лидера-кормчего (одного или нескольких) и граждан-гребцов или матросов. В наиболее развернутом виде эта метафора присутствует у Платона, прежде всего в «Государстве» 488a-e: «По отношению к государству положение самых порядочных людей настолько тяжелое, что ничего не может быть хуже. Поэтому для уподобления приходится брать в их защиту и объединять между собой многие черточки наподобие того, как художники рисуют козлоподобных оленей и так далее, смешивая различные черты.

²⁸ То же относится и к еще одному, весьма спорному, примеру возможного использования этой метафоры в исторической прозе пятого века. М. Тэйлор (Taylor 2010, 140–144) пытается увидеть рефлекс данного образа в изложении Фукидидом речи Никия, пытавшегося отговорить афинян от сицилийской экспедиции. Среди прочего, в ней Никий называет Афины *μετέωρος πόλις* (6.10.5). Это выражение обычно понимают как «город, пребывающий в смятении, беспокойстве» («в непрочном положении», в переводе Г. Стратановского), но Тэйлор пытается доказать, что *μετέωρος* у Фукидида часто связывается с морем, и, соответственно, Никий подразумевает что-то вроде «наш город носит по волнам». Аргументация Тэйлор в целом представляется весьма натянутой и малоубедительной; однако даже если с ней согласиться, контекст вновь подчеркнута негативный.

²⁹ Brock 2004, 57. Это справедливо в том числе и для комедии: по сути, единственный известный нам пример ее использования — «Осы» Аристофана 29, где раб Ксанфий говорит, что приснившийся ему сон очень важен, так как имеет отношение к «кораблю города» (*περὶ τῆς πόλεως γὰρ ἐστὶ τοῦ σκάφους ὄλου*). Комментаторы к данному месту обычно ограничиваются обычным указанием на расхожесть метафоры (Macdowell 2003: 131), но если предположить ее распространенность в политическом речевом обиходе, наверное, в комедии она встречалась бы чаще.

Так вот, представь себе такого человека, оказавшегося кормчим (ναύκληρος³⁰) одного или нескольких кораблей. Кормчий и ростом, и силой превосходит на корабле всех, но он глуховат, а также близорук и мало смыслит в мореходстве, а среди моряков идет распря из-за управления кораблем (περὶ τῆς κυβερνήσεως): каждый считает, что именно он должен править, хотя никогда не учился этому искусству, не может указать своего учителя и в какое время он обучался. Вдобавок они заявляют, что учиться этому нечего, и готовы разорвать на части того, кто скажет, что надо. Они осаждают кормчего просьбами и всячески добиваются, чтобы он передал им кормило. Иные его совсем не слушают, кое-кто — отчасти, и тогда те начинают убивать этих и бросать их за борт. Одолев благородного кормчего с помощью мандрагоры, вина или какого-либо иного средства, они захватывают власть на корабле, начинают распоряжаться всем, что на нем есть, бражничают, пируют и, разумеется, направляют ход корабля именно так, как естественно для подобных людей. Вдобавок они восхваляют и называют знающим моряком, кормчим, сведущим в кораблевождении того, кто способен захватить власть силой или же уговорив кормчего, а кто не таков, того они бранят, считая его никчемным. Они понятия не имеют о подлинном кормчем, который должен учитывать времена года, небо, звезды, ветры — все, что причастно его искусству, если он действительно намерен осуществлять управление кораблем независимо от того, соответствует ли это чьим-либо желаниям или нет. Они думают, что невозможно приобрести такое умение, опытность и вместе с тем власть кормчего» (пер. А. Н. Егунова).

Столь подробно разработанный образ многие (и справедливо) считают источником многих позднейших вариаций на эту тему в политической риторике и философии последующих эпох³¹. В контексте же наших рассуждений заметим, что и здесь образ государства-корабля предстает в отрицательном свете.

³⁰ Этот термин скорее обозначает владельца корабля. Об особенности морской терминологии в данном пассаже и ее соотношении с политическим устройством Афин см. Кейт 2006: 190–193.

³¹ О значимости этого пассажа с точки зрения его роли в платоновской образности и политической аргументации см. из последних работ Long 2017: 163–170. О влиянии «Государства» на дальнейшее использование этого образа в литературе см. Thompson 2001: 167–174.

Вновь доминирующей темой становится гражданский раздор, правда, он аллегорически описывается не как налетающая на корабль буря, а как разлад в самой команде корабля, которым к тому же управляет недостаточно сведущий кормчий. Понятно, что объектом аллегорической инвективы здесь является именно афинская демократия³²; впрочем, как часто у Платона, тот же самый образ может быть использован и в противоположном, вполне позитивном ключе. Следуя все той же идее: управление кораблем — особое знание, или искусство (подразумевающее в рамках данной аллегории искусство политики, а в системе Платона — еще и философии). В «Политике» он, напротив, рисует предельно положительную картину «истинного» кормчего: «Подобно тому как кормчий (κυβερνήτης) постоянно блюдет пользу судна и моряков, подчиняясь не писаным установлениям, но искусству, которое для него закон, и так сохраняет жизнь товарищам по плаванию, точно таким же образом заботами умелых правителей соблюдается правильный государственный строй, потому что сила искусства ставится выше законов» (Политик 296e4-a2, пер. С. Я. Шейнман-Топштейн).

Идея политического искусства преобладает и в многочисленных примерах использования все того же образа в реальной политической риторике IV в. до н. э. Замечательно, что с равным успехом его используют прямо противоборствующие партии. Так, в знаменитом противостоянии Эсхина и Демосфена оба они упрекают каждый своего оппонента в некомпетентном ведении государственных дел, сравнимом с тем, как поступает несведущий кормчий или моряк. Вот два характерных пассажа.

Демосфен 19.250 (об Эсхине): «Ничего из этих данных он не принял во внимание, не позаботился о том, чтобы благополучно плыл государственный корабль, наоборот, он опрокинул его и потопил и, насколько мог, подстроил так, чтобы он попал во власть врагов».

³² Разбирая этот пассаж главным образом в его соотнесенности с предшествующей литературной традицией, Р. Хантер пытается выявить параллели у Платона не только с лирикой (прежде всего с Феогнидом), но и с политической сатирой Аристофана, прежде всего со «Всадниками» (Hunter 2014: 68–81). Ту же идею подробно развивает и М. Маррен (Marren 2021: 48–61), однако здесь речь идет скорее не о прямых параллелях в образности, сколько об общих принципах критики афинской демократии.

Эсхин 3.158: «Ведь и впрямь ни городу, ни частным лицам никогда не случалось добра от советов Демосфена. Не стыдно ли вам, афиняне? У вас есть закон о перевозчиках на Саламин: у кого-де при перевозе нечаянно перевернется лодка, того более не допускать к перевозу, чтобы неповадно было беспечничать жизнью эллинов; так вы ли позволите вновь заправлять общественными делами этому человеку, вконец перевернувшему вверх дном и ваш город, и всю Элладу?»

При всей полемичности этих выпадов, очевидным кажется, что сам образ здесь скорее несет уже положительный «заряд»: правильное управление государством подобно искусству кораблевождения, причем оно не только возможно, но и необходимо и естественно (характерно, что из аллегорической картины исчезает столь обычный для него ранее мотив бури как внешней или внутренней напасти). В этом смысле как нельзя более показательна фраза еще одного оратора этого времени Демада (фр. 29): «Наш город — величайшая ладья всей Эллады» (ἡ δ' ἡμέτερα πόλις τὸ μέγιστον τῆς Ἑλλάδος σκάφος). Если в трагедии, как мы предположили, Афины представляли скорее подразумеваемым идеальным «городом-кораблем», то здесь эта скрытая аллегория превращается в прямой и недвусмысленный символ³³. Исторический парадокс в том, что происходит это на фоне реальной утраты Афинами своего прежнего величия.

Подведем итог предпринятого нами обзора. Образ корабля-государства, по всей видимости, возникает в лирической поэзии, причем поначалу несет в себе прежде всего отрицательные коннотации (плавание в бурном море), заложенные в мифологическом восприятии моря как враждебной человеку стихии, а путешествия в нем — как нарушения исконного состояния людского рода в эпоху «золотого века». Данная поэтическая метафора дает толчок к активному использованию этой аллегии в аттической драме, где она также несет скорее негативный заряд; но «от противного» в трагедии складывается (по крайней

³³ При этом интересно, что в другом сохранившемся фрагменте Демада он следует традиционной литературной трактовке этого образа: македонская экспансия становится «бурей», угрожающей существованию Афин. «Неправильно было впустить в Аттику враждебные волны и македонский огонь, и неправильно молчать и терпеть, видя как тонет, будто корабль, наш город» (фр. 13).

мере, потенциально) и положительный вариант этого образа, который ассоциируется с Афинами. В силу своей социально-политической значимости, связанности с текущим политическим контекстом, трагедия становится своего рода передаточным звеном для включения образа в постоянный арсенал политической риторики, где он становится стандартным топосом, актуальным вплоть до наших дней. Мифологическая модель через литературное посредство становится средством политической аргументации. Но и в ней во многих случаях образ корабля или «раскачивающейся лодки» служит, прежде всего, для предупреждения о потенциальной или реальной угрозе, которую несут в себя разнообразные политические тревобления: «государство-корабль» скорее способен утонуть в бурном море, чем величественно плыть по спокойным водам. Эту тревожность образа замечательно уловил и передал И. Бродский в своем «Подражании Горацию»:

Лети по воле волн, кораблик.
Твой парус похож на помятый рублик.
Из трюма доносится визг республик.
Скрипят борта...
Верь только подлинно постоянной
Демократии волн с еёной
На губах возникающей в спорах пеной
И чувством дна³⁴.

³⁴ См. тонкий и подробный разбор этого стихотворения в соотношении с его античными источниками в статье Kazansky 1997, автор которой стремится показать, что образ корабля у Бродского куда более «оптимистичен», чем у Горация. С. Н. Н. Казанским согласен и Лев Лосев, считавший это стихотворение «лихим и веселым». Мне, правда, в призывах Бродского к кораблю «Лети! Верь! Не бойся!» слышатся скорее ирония или «энергия обреченности», но, наверное, причиной тому обратная временная перспектива (стихотворение написано в 1992 г.).

Литература

- Ankersmit, F. 2014: [*Esteticheskaya politika: politicheskaya filosofiya po tu storonu fakta i tsennosti (Aesthetic politics. Political philosophy beyond fact and value)*]. Moscow: Higher School of Economics Univ. Press.]
- Анкерсмит, Ф. 2014: *Эстетическая политика: политическая философия по ту сторону факта и ценности* / пер. с англ. Д. Кралечкина; под науч. ред. И. Борисовой. М.: Изд. дом Высшей школы экономики.
- Barker, D. 2008: *Tragedy and Citizenship: Conflict, Reconciliation, and Democracy from Haemon to Hegel*. New York: SUNY Press.
- Bowie, E. L. 1997: The Theognidea: A Step Towards a Collection of Fragments? In: *Collecting fragments = Fragmente sammeln*. Ed. G. Most. Göttingen: Vandenhoeck & Ruprecht, 53–66.
- Bowra, C. M. 1934: Simonides in the Theognidea. *Classical Review* 48, 2–4.
- Brock, R. 2013: *Greek Political Imagery from Homer to Aristotle*. London, New York: Bloomsbury Academic.
- Campbell, D. A. 1986: Ship imagery in the Oedipus Tyrannus. In: *Greek Tragedy and its Legacy*. Eds. M. Cropp, E. Fantham, S. Scully. Calgary: Univ. of Calgary Press, 115–120.
- Charteris-Black, J. 2019: *Metaphors of Brexit: No Cherries on the Cake. Cham*: Palgrave Macmillan.
- Correa, P. da Cunha, 2016: The ‘Ship of Fools’ in Euenus 8b and Plato’s Republic 488a–489a. In: *Iambus and Elegy: New Approaches*. Eds. L. Swift, C. Carey. Oxford: Oxford Univ. Press, 291–309.
- Dougherty, C. 2014: Ships, walls, men: classical Athens and the poetics of infrastructure. In: *Space, Place, and Landscape in Ancient Greek Literature and Culture*. Eds. K. Gilhuly and N. Worman. Cambridge: Cambridge Univ. Press, 130–170.
- Dumortier, J. 1975 : *Les images dans la poesie d'Eschyle*. Paris: les Belles Lettres.
- Finglass, P. (ed.) 2018: *Sophocles. Oedipus the King*. Cambridge: Cambridge Univ. Press.
- Gentili, B. 1988: *Poetry and Its Public in Ancient Greece: From Homer to the Fifth Century*. Baltimore: Johns Hopkins Univ. Press.
- Goheen, R. 1951: *The Imagery of Sophocles’ Antigone*. Princeton: Princeton Univ. Press.
- Griffith, M. (ed.) 1999: *Sophocles. Antigone*. Cambridge: Cambridge Univ. Press.
- Grintser, N. P. (ed.) 2016: [Sofokl. *Antigona*. Translated by A. Parin, introduction and commentary by N. Grintser]. Moscow. Софокл. *Антигона*. Перевод А. Парина, предисловие и комментарий Н. Гринцера. М.: «Аграф».
- Hilton, I. 2015: Thebes as the anti-Athens? Some observations on the city’s tragic functions. *Eos* 102, 261–277.

- How, W., Wells, J. 1912: *A Commentary on Herodotus with Introduction and Appendixes*. V. I–II. Oxford: Clarendon Press.
- Hunter, R. 2014: *Plato and the Traditions of Ancient Literature: The Silent Stream*. Cambridge: Cambridge Univ. Press.
- Kazansky, N. N. 1997: Podrazhaniye otritsaniyem («Podrazhaniye Goratsiyu» Josifa Brodskogo i Hor. Carm. I, 14) Imitation by negation (“Imitation of Horace” by Joseph Brodsky and Hor. Carm. I, 14). In: *Ars Philologiae: To Professor A. B. Muratov on the occasion of his 60th anniversary*. SPb.
- Казанский, Н. Н. Подражание отрицанием («Подражание Горацию» Иосифа Бродского и Гор. Carm. I, 14). *Ars Philologiae: Профессору А. Б. Муратову ко дню 60-летия*. СПб.: Изд-во СПбГУ, 1997, 350–369.
- Keyt, D. 2006: Plato and the ship of state. In: *The Blackwell Guide to Plato's Republic*. Ed. G. Santas. Oxford: Blackwell, 189–213.
- Kimball, W. (ed.) 1984: *Churchill and Roosevelt: The Complete Correspondence*. Vol. 1. Princeton Univ. Press.
- Lamari, A. 2007: Aeschylus' Seven Against Thebes vs. Euripides' Phoenissae: male vs. female power. *Wiener Studien* 120, 5–24.
- Lomonosov, M. V. 2017: [Ritorika M. V. Lomonosova. Saint-Petersburg: “Nestor-Istorija”].
- Риторика, М. В. Ломоносова / науч. ред. П. Е. Бухаркин, С. С. Волков, Е. М. Матвеев. СПб.: Нестор-История, 2017.
- Long, A. G. 2017: The ship of state and the subordination of Socrates. In: *Plato and the Power of Images*. Ed. R. G. Edmonds III, P. Destrée. Leiden: Brill, 158–178.
- Macdowell, D. (ed.) 2003: *Aristophanes. Wasps*. Oxford: Clarendon Press.
- Marren M., 2021: *Plato and Aristophanes: Comedy, Politics, and the Pursuit of a Just Life. Rereading ancient philosophy*. Evanston: Northwestern Univ. Press.
- Mastrorarde, D. (ed.) 1994: *Euripides. Phoenissae*. Cambridge: Cambridge Univ. Press.
- Morgan, K. 2015: *Pindar and the Construction of Syracusan Monarchy in the Fifth Century B.C.* Oxford: Oxford University Press.
- Nes, D. van 1963: *Die maritime Bildersprache des Aischylos*. Groningen: J. B. Wolter.
- Noussia-Fantuzzi, M. 2010: *Solon the Athenian, the Poetic Fragments*. Leiden: Brill.
- Page, D. 1955: *Sappho and Alcaeus: An Introduction to the Study of Ancient Lesbian Poetry*. Oxford: Clarendon Press.
- Pelling, C. 2000: *Literary Texts and the Greek Historian*. London; New York: Routledge.
- Petrounias, E. 1976: *Funktion und Thematik der Bilder bei Aischylos*. Göttingen: Vandenhoeck & Ruprecht.
- Robespierre, M. 1965 [Izbrannye Proizvedeniya (Selected Works). V. 3. Moscow: “Nauka”].

- Робеспьер, М. *Избранные произведения в 3 томах*. Т. III. Изд. А. З. Манфред, А. Е. Рогинская. Ф. Б. Шуваева. М.: «Наука».
- Rösler, W. 1980: *Dichter und Gruppe. Eine Untersuchung zu den Bedingungen und zur historischen Funktion früher griechischer Lyrik am Beispiel Alkaios*. München: Fink.
- Scott, L. 2005: *Historical Commentary on Herodotus Book 6*. Leiden: Brill.
- Selle, H. 2008. *Theognis und die Theognidea*. Berlin and New York: de Gruyter.
- Stepantsov S. A. 2014–2015: The choice of examples in Heraclitus' Quaestiones Homericæ 5 and its implications for the understanding of Alcaeus' poetics (fr. 6 and 208 V.) Αριάδνη / *Ariadne. The Journal of the School of Philosophy of the University of Crete*, 20–21, 33–44.
- Stepantsov, S. 2015: [Two notes on Alcaeus]. *Vestnik drevnej istorii* 2015, № 3, 91–102.
- Степанцов, С. Две заметки к Алкею // Вестник древней истории. 2015. № 3, 91–102.
- Stepantsov, S. A. 2017: [Political metaphor by Alcaeus]. *Shagi / Steps. Journal of the School for the Advanced Studies in the Humanities* 3/4 (2017), 11–20.
- Степанцов, С. А. 2017: Политическая метафора у Алкея // Шаги / Steps. Журнал Школы актуальных гуманитарных исследований. 3/4, 11–20.
- Taylor, M. 2010: *Thucydides, Pericles, and the Idea of Athens in the Peloponnesian War*. Cambridge: Cambridge Univ. Press.
- Thalman, W. 1978: *Dramatic Art in Aeschylus' Seven against Thebes*. New Haven and London: Yale University Press.
- Thompson, N. 2001: *The Ship of State: Statecraft and Politics from Ancient Greece to Democratic America*. New Haven: Yale University Press.
- Uhlig, A. 2018: Sailing and Singing: Alcaeus at Sea. In: *Textual Events. Performance and the Lyric in Early Greece*. Eds. F. Budelmann, T. Phillips. Oxford: Oxford University Press, 63–92.
- West, M. L. 1974: *Studies in Greek Elegy and Iambus*. Berlin, New York: de Gruyter.
- Wilamowitz-Moellendorff, U. von 1914: Neue lesbische Lyrik. *Neue Jahrbücher für das klassische Altertum, Geschichte und deutsche Literatur und für Pädagogik* 33, 226–244.
- Zeitlin, F. 1990: Theater of self and society in Athenian drama. In: *Nothing to Do with Dionysos? Athenian Drama in its Social Context*. Eds. J. Winkler, F. Zeitlin. Princeton-Oxford: Princeton Univ. Press.